

Владимир ТРЕНИН
г. Петрозаводск

ШЛЮПОЧНЫЙ ЛАГЕРЬ

РАССКАЗ

Мама в понедельник работала во вторую смену и напросилась провожать Николая, не обращая внимания на его протесты. У автобуса обняла сына, поцеловала в щёку, хотя в семье не принято было показывать чувства на людях. Коля, строгий и взрослый, через два месяца как-никак исполняется четырнадцать лет, покраснел от внезапных нежностей.

— Ладно, мам, пора.

— Аккуратнее, Коленька, береги себя.

— Хорошо, мам.

Закинув рюкзак на плечо, он забрался в жёлтый «пазик». Ехать в шлюпочный лагерь с незнакомыми ребятами не особо хотелось. На август планировалось другое мероприятие. Столько усилий вложено, чтобы попасть в команду парусной шхуны, но — увы! — не срослось.

Позапрошлой весной Клубу юных моряков передали сейнер для переоборудования на верфи судостроительного завода «Красный Авангард» в учебный парусник. Установили две мачты с гиками под косые паруса, бушприт, такелаж, оборудовали кубрики для курсантов. С февраля по май Николай с товарищами из одной группы по клубу приходил вечером после уроков в порт. Ребята сдирали старую краску с бортов, убирали мусор, помогали взрослым чем могли.

В конце июля, приехав из деревни, Николай узнал, что шхуна отправилась в рейс на три дня раньше срока, все друзья ушли с кораблём, которому дали название «Надежда». Мама говорила, что Колю ждали до последнего дня.

— Приходили ребята, искали... Сказала, ты у бабушки. Что я могла сделать? Не телеграммой же тебя вызывать, чай не похороны, просто господи, и не свадьба.

— Почему бы и не телеграммой! Это лучше, чем свадьба. Такое событие, мам! Ты не понимаешь! Ведь это же парусная шхуна! — сокрушался сын.

Случился «облом года», тогда ещё Коля не знал, что человеческая жизнь складывается из череды разочарований — маленьких и больших.

В клубе его успокоили: не переживай, набирается смена в шлюпочный лагерь.

— Как пионерский, только интереснее — с лодками и парусными гонками, — пообещал ему заместитель директора КЮМа, длинный худой мужик с рыжими бакенбардами.

Коля насчитал в автобусе четырнадцать человек. Наскребли по сусекам таких же неудачников, как он, не попавших в запланированные учебные рейсы по различным причинам. Сложилось ощущение, что ехать никто особо не хотел.

Сидевший рядом широколицый белобрысый мальчик представился Антоном.

— Зови меня Тохой, — внушительных габаритов, но с очень тоненьким голоском Тоха так объяснял Коле свой выезд в лагерь: — Батя сказал: «Поедешь и всё тут. Бесплатно кормят, поят. Что тебе ещё надо?»

— И не поспоришь, это ведь главное в жизни, — улыбнулся Коля.

Сосед не понял иронии.

— Папка говорит, для счастья человеку нужно немного: чтобы сыт был, одет, обут и ж*** в тепле, желательно — на диване перед телевизором... Эх... Мне ведь приставку купили, хотел погонять перед школой! Как же, погоняешь тут, — вздохнул Тоха.

— Понимаю, — кивнул Коля.

Он тоже любил «погонять». В подвальном помещении клуба работал игровой зал, час аркадной бродилки обходился в целковый, и Николай всерьёз подсел, разными способами вымарщивал деньги у родителей, пока не со-

стоялся серьёзный разговор с мамой. Своим увлечением сын проделал хорошую дыру в семейном бюджете. Пришлось с игрой завязать.

За пыльным окном мелькали огороды и гаражи, автобус выехал за город. Коля достал потрёпанный том Стругацких и погрузился в описания злключений Максима Каммерера в мрачном мире чужой планеты.

Лагерь располагался на окраине деревни, раскинувшейся по берегу Онежского озера, и представлял собой несколько щитовых одноэтажных строений. Разместили кюмовцев в два домика, или кубрика. Встретил ребят сам начальник лагеря — седой грузный дед Емельян Дмитриевич Пожидаев.

Емеля, как окрестили его курсанты в первый же день, внушал уважение. На вид ему было за семьдесят. Сломанный нос, выцветшие глаза, застывшие в желтоватых белках... Широкоплечий, в накинутой чёрной морской шинели, несмотря на тёплый августовский вечер... Неторопливый в движениях, он словно сэкономил остаток жизненной силы, отпущенной ему судьбой.

Пожидаев прошёл вдоль строя курсантов, поздоровался с каждым за руку, спросил, как зовут. Это было неожиданно и приятно.

— Николай Селиверстов, — гаркнул Коля, стараясь покрепче сжать подростковой ладошкой железную длань начальника лагеря.

Емельян Дмитриевич улыбнулся и подмигнул громкоголосому юноше.

Семь металлических кроватей и тумбочек составляли обстановку кубрика. На каждое место положены вафельное полотенце и сухой паёк — треугольный пакет с молоком и городская булка. Столовая с камбузом уже закрылись.

Стена вдоль никелированных изголовий была застеклена, помещение напоминало деревенскую веранду. Занавески отсутствовали, и вечером, после отбоя, когда завывал онежский ветер, свистел сквозь рассохшиеся доски, кусты скреблись в широкие окна, нагоняя жути, самые отчаянные парни затихали и понижали голос.

Северные ночи — прохладные даже в самое жаркое лето, поэтому на кровати поверх одеял были наброшены чёрные шинели — такие же, как у начальника лагеря.

Поднял курсантов в семь утра Сергей Сергеевич Воронов — сухой низенький дядька в тельнике с засученными рукавами, старый моряк и помощник Пожидаева.

Подростки, обнажённые по поясу, поёживаясь от холода, выстроились во дворе, рассчитались по порядку и вышли на пробежку в ближайший лес. Впереди, показывая дорогу, мчался Воронов.

Туман стелился между соснами и елями. Ребята с воплем, копирующим боевой клич героев гонконгских боевиков, сигналили через мшистые кочки, пинали с лихого разворота трухлявые пни мокрыми от росы кедами. Сергей Сергеевич ждал курсантов у турника — помогал запрыгнуть и отсчитывал подтягивания.

— Для начала по пятёрочке делаем, упражнение производим без рывков, не напрягаемся, — хрипел Воронов.

Один рыхлый нескладный парнишка, задержав очередь, извивался на перекладине, еле-еле подтянулся один раз и спрыгнул неловко. Кто-то заржал.

— Кому смешно? — Сергей Сергеевич повернулся к источнику гогота. — Имя, фамилия?

— Допустим, Андрей. Фамилия — Балыков, — хмыкнул верзила явно старше остальных.

— Без «допустим». Курсант Балыков получает наряд на кухню. Картошку будешь чистить. И не толстой коркой, а скрести — тоненько, тоненько.

Балыков хотел было возразить, но, взглянув на сердитое побагровевшее лицо Воронова, промолчал.

— А тебя как зовут? — спросил преподаватель парня, не сумевшего сделать упражнение.

— Женя Андерсон.

— Андерсен? — переспросил старый моряк. — Как Ганс Христиан?..

— Почти, только через «О». У меня дед — швед по национальности, — тихо сказал Женя, стесняясь; не зная, куда спрятать длинные руки, убрал их за спину.

— Значит, так, Женя Андерсон, посажу тебя загребным, к концу смены сделаешь мне пятёрочку. Сделаешь?..

— Я постараюсь, — пролепетал Женя.

Воронов кивнул и обратился к курсантам:

— На будущее: чтобы я не слышал никаких смешков и издёвок! Вы все разные. Неизвестно, что из вас получится, не знаете, как повернётся жизнь, и, возможно, этот человек, — он показал на Андерсона, — протянет руку Балыкову, упавшему за борт. Вы все в одной команде. Надеюсь, понятно объяснил?.. Следующий — на перекладину.

Когда последний подросток спрыгнул с турника, Воронов скомандовал:

— Бегом — умыться. И — на завтрак. Встречаемся у пирса через час.

В столовой курсантов ждал приятный сюрприз. Еду накладывала молодая симпатичная рыжая девчонка лет двадцати. Повариху, а вернее, кока, звали Люся. Позже парни узнали, что её фамилия — Пожидаева, как у начальника лагеря, она приходилась ему внучатой племянницей. Всего из одежды на Люсе были полукеды, шорты и белая футболка. Лифчика она не носила. Под лёгкой тканью угадывались очертания груди. При виде чудесной картины курсантам захотелось сделать что-нибудь плохое, разбить окно или подставить подножку приятелю, любым другим способом нарушить дисциплину, соответственно, получить наряд вне очереди, попасть на кухню и наслаждаться обществом самого красивого кока на свете.

Коля размазывал манную кашу по тарелке. Люся была хороша, но готовила отвратительно: грязноватая комковатая субстанция прилипла к ложке. Как можно это есть?

На завтрак, зевая, подошли ещё две полные молодые женщины — фельдшер и воспитатель, положенные по штату для педагогического учреждения. Они ничем особым не занимались, в солнечные дни вытаски-

вали раскладушки, скрипя пружинами, взгромождали свой «атомный» целлюлит на брезентовые лежа. В дождь играли в карты. Вечером к ним присоединялись Пожидаев с Вороновым, и до полуночи в женском кубрике горел свет.

После чая курсанты двинулись в сторону берега, издалека они увидели пришвартованные к пирсу большие красивые шлюпки «Ял-6». Воронов дал команду, и ребята заняли места на вёслах. Сам он разместился в лодке с Женей Андерсоном, посадив его у левого борта на первую банку от рулевого.

— Вёсла — разобрать, уключины — вставить! — загрохотал преподаватель.

Коле досталась последняя — третья — банка от кормы. За спиной волновалось Онежское озеро.

— Вёсла на воду — раз! — командовал Воронов.

Коля сделал вдох, как учили на теоретических занятиях в клубе.

— Два-а-а!

Николай напряг мышцы тела и рук, провёл лопасть в воде, шумно выдохнул. Приятно почувствовать своё усилие в общей работе. Поначалу курсанты гребли вразной, шлюпка дёргалась из стороны в сторону. Через некоторое время приноровились, подстроились под загребного. Форштевень врезался в воду, разбивал волну, и прохладные брызги летели на разгорячённые шеи и спины ребят.

— Шибче, шибче! — кричал с кормы Сергей Сергеевич. — Ра-а-з, два-а! Ра-а-з, два-а!.. А теперь — разворот. Левый борт — табань! Ра-а-з, два-а! Ра-а-з, два-а!

Занимались греблей со вторника по пятницу очень плотно: три часа — до обеда, три — после. Все курсанты отдыхали по очереди, сменяясь на руле. Первое время всё тело гудело, особенно плечи и спина, некоторые жаловались, но Николаю нравились эти ощущения.

Андрей Балыков явился вечером второго дня в медпункт, пожаловался фельдшернице, что стёр вёслами руки до мяса, показав окровавленные ладони. Та наложила ему повязку

и сказала Воронову, что мальчик отстраняется от гребли.

— Пряма-таки до мяса? — недоверчиво спросил Сергей Сергеевич. — У остальных жалоб нет, а у Андрюши есть... Хорошо, посажу на румпель.

На самом деле хитрый Балыков решил увильнуть от гребли — «шлангануть», так говорили вечером ребята в кубрике. Несколько человек видели, как он перед перевязкой ковырял перочинным ножиком ладони.

Субботним утром курсанты по указанию Воронова вытащили из лодочного сарая мачты, реи и паруса. Водрузили рангоут на ялы. У Николая при виде оснастки замерло сердце. К сожалению, парус был не алый и даже не белый, а скорее грязновато-серый, словно оттепель в феврале или «фирменная» манная каша от Люси.

Сергей Сергеевич показал у пирса, как управляться с такелажем. Вышел в озеро по очереди с каждым кубриком. Теперь Николай с чистой совестью мог сказать, что ходил под парусом, неважно какого цвета, да на пузатой шлюпке, а не на белоснежной яхте. Всё это ерунда, главное, без вёсел и мотора, только с помощью ветра он покорял водное пространство.

На ужине Пожидаев сделал объявление:

— Товарищи курсанты! Мы посоветовались с Сергеем Сергеевичем и решили завтра устроить парусный поход до острова Песчаного. Протяжённость маршрута в один конец составляет десять километров. Прогноз погоды благоприятный, день будет жаркий, ветер попутный. Обратного пойдёте на вёслах. После отбоя дурака не валяем, надо выспаться, силы вам понадобятся.

Ребята встретили новость одобрительным гулом. Всем надоела вёсельная муштра.

Высокое синее небо пересекал белый след от самолёта. Маленький пассажирский лайнер медленно-медленно карабкался по диагонали, царапая лазурную твердь. Лодка же стремительно двигалась к своей цели, иногда взлетала и падала на волну, взбивая тучу брызг, ветер свистел в ушах, наполнял фок с

кливером, увлекая за собой шлюпку Николая.

В другой раз ребята бы вдохновились видом тугих парусов и полётом своего челнока, движимого природной стихией, но сейчас были заняты другим очень важным делом. Семь пар глаз устремились в одном направлении. На баке загорала Люся. Босиком, в совсем уж неприлично коротких шортиках и узкой полоской красной ткани на груди. Она вытянула ноги, и её розовые пяточки находились в опасной близости к Николаю. Подростки жадно пожирали глазами девичьи стати, и Люся это чувствовала, артистично меняла позы, выгибалась, обхватывала руками форштевень. Коля сидел в первом ряду, созерцал спектакль на «рублёвом» месте, мог оценить все складочки и веснушки, он даже различал рыжеватые волосинки в сокровенных впадинках с самой нежной кожей на внутренней стороне бедра, когда повариха периодически раздвигала ноги, — в эти моменты темнело в глазах и кружилась голова.

Люся повернулась в очередной раз, поправила чёлку, и только сейчас Николай заметил, что у неё отсутствовала ногтевая фаланга на мизинце левой руки. Это открытие так поразило его, вмиг разрушился совершенный образ. Как же так, молодая богиня оказалась... беспалой! Восхищение растворилось в жалости. Бедная Люся! Ему захотелось прикрыть её, спрятать от похотливых взглядов курсантов.

Он оглянулся, посмотрел на товарищей, поглощённых созерцанием красивого тела. Они ничего не понимают, ничего! Коля внезапно ощутил каждой клеточкой странную тоску и конечность бытия для каждого. Здесь, на тёплой доске под палящим солнцем, он понял, что ветер несёт их лодку, его и Люсю, и всех этих юношей, измученных подростковым недавно проснувшимся острым желанием, — тащит к смерти и разрушению. И никто не отвертится, никакая уважительная причина не поможет избежать рокового финиша. И красота Люси не спасёт, и хитрость Балыкова — все будут там.

Коля посмотрел на небо. Самолёт исчез. Инверсионная тропинка от двигателей расширилась и превратилась в вытянутое полупрозрачное искусственное облако.

До острова с попутным ветром добрались быстро. Когда лодки причалили к пляжу, Николай первым спрыгнул на берег. Показалось, что горячий золотистый песок издал под ногами тонкий звук. Коля, не обратив на это внимания, поспешил подать руку Люсе.

Курсанты, вытащив шлюпки, радостно забегали по дюнам, и песок действительно звенел от их шагов. Ребята прыгали, проскальзывали, как лыжники, перебирали пятками, взбивали облака из кварцевой крошки. Над берегом воцарилась какофония стонов и взвизгиваний, словно два десятка сумасшедших скрипачей репетировали поганый пляс Кашеевых прислужников из балета «Жар-птица» Стравинского.

Пляж был чудом природы. Каким-то образом при трении слоёв песчаных эоловых отложений возникали звуки высокой тональности. Природа рождала музыку.

Довольный Сергей Сергеевич наблюдал за своими подопечными. Он прекрасно знал, но не рассказал про волшебную особенность острова, хотел сделать сюрприз — и у него получилось.

На обед ели макароны по-флотски, привезённые в металлических армейских термосах, похожих на рыбацкие шарабаны. Курсанты выстроились с мисками в очередь к Люсе, сидевшей по-турецки, со свернутым из блузки тюрбаном на голове. Со стороны казалось, что к восточной царице идут на поклон её подданные, что было недалеко от истины. Все эти парни с первого дня влюбились в кока и готовы выполнить любое её приказание. Коля был уверен, что Люся Пожидаева останется в памяти у них навсегда.

Николай, забравшись на вершину дюны, жевал невкусные макароны. Песок скрипел на зубах. Сегодня он в первый раз за время пребывания в лагере не пожалел, что не попал в рейс на шхуну «Надежда».

На обратном пути ветер стих. Тишину на-

рушали только плеск опускаемых в воду вёсел и дыхание гребцов. Люся, накинув блузку, загнула на баке.

В воздухе появилась серая дымка. Меньше чем в километре от берега на воду внезапно опустился густой туман. Шлюпки потеряли друг друга из виду. Неожиданно раздался голос Воронова из молочной пелены:

— Легче грести!

Странное чувство охватило всех: это был не страх, а как бы оцепенение, словно всё происходило во сне. Люся очнулась и испуганно оглядывалась, не понимая, где она находится. Все замерли и еле-еле двигали вёслами. Лодку могло вынести в открытое озеро или выбросить на камни. Напряжение нарастало, а мгла становилась всё гуще. Рулевой уже не видел носа, и мачта терялась в белом мареве.

— Бе-е-е, — козье бляение разорвало пелену.

Оказалось, земля совсем рядом. Все засмеялись, было слышно, как хохотал где-то рядом на соседней лодке Сергей Сергеевич. Тоненько прыскал Тоха, и сладким колокольчиком радостно заливалась Люся. Коза разрядила обстановку, а людской смех рассеял туман. Белесые клочья разошлись, шлюпки двинулись вдоль береговой линии, мимо деревенских бань и мостков к лагерному пирсу.

Утром перед зарядкой ребятам сообщили: «Люся уехала». Пожидаев объяснил в строгих ровных выражениях, словно речь шла не о его родственнице, а о постороннем человеке, что молодую повариху отправили в город, потому как готовила Людмила из рук вон плохо. Скорее всего, дело было не в её кулинарных талантах. Старики наконец догадались, что откровенный вид девушки не даёт покоя подросткам, расшатывает дисциплину и нарушает психологический климат в коллективе. Новость вызвала бурю возмущения, в сию же секунду подавленную строгими окриками Воронова.

На замену Люсе приехал лысый мужичок с лицом, расчерченным глубокими морщинами и выдубленным полярными ветрами. Сергей Сергеевич сказал, что новый кок — профес-

сионал самого высокого уровня, ходил с китобойной флотилией, имеет громадный опыт в своём деле. В первый же день новый хозяин камбуза приятно удивил, накормив ребят вкуснейшим омлетом и сырниками на завтрак. В обед приготовил крабовый салат, солянку, котлеты с пюре, а вечером — тушёнку. Курсанты сменили гнев на милость. Любовь любовью, а так вкусно они дома ели только по праздникам.

Во вторник с утра шёл дождь. Пожидаев, чтобы занять слонявшихся без дела воспитанников, отрядил двоих на кухню в помощь новому коку; остальных привёл в лодочный сарай, вручил ножовки, рубанки, обрезки досок и поручил выстругать набор разделочных досок для кухни. Набросал чертёж на альбомном листке с размерами, пришил к стенке.

— Спрошу со всех. Приедете домой не с пустыми руками. Мамам сюрприз будет.

Разделочные доски? Да запросто, плёвое дело! Через час всё было готово. Кто-то предложил сделать самострелы. В сарае нашли аптечку, из перевязочного набора изъяли моток бинтовухи, резинового жгута для остановки кровотечений.

Спусковой крючок и патроны к самопалам нарезали из алюминиевой проволоки, бухта которой валялась в крапиве за столовой. Пулька, согнутая в форме буквы «л», била больно, на коже под одеждой оставался синяк. Коля вспомнил про шинели. Это была хорошая идея: грубое сукно защищало даже от выстрела в упор. Попадание чувствовалось, но боли не было. Ребята нашинковали запас патронов, распахали по карманам, поделились на две команды и тайком отправились в лес играть в войну.

На вечернем построении Емельян Дмитриевич сделал заявление:

— С завтрашнего дня выход за территорию лагеря курсантам запрещается. Только утренняя пробежка в сопровождении Сергея Сергеевича!

— А в чём дело-то?

— Дело в том, что вы напугали сегодня двух

бабуль чуть не до смерти. Гуляли бы спокойно, чернику трескали — мы не против... Но зачем было бегать по лесу в чёрных шинелях и кричать на немецком?! «Ахтунг фойер, шнеллер, дойче зольдатен, унтер официрен» и прочее. Что за детский сад, ребята?

Кто-то хихикнул.

— Не смешно. — Строгий Емельян ходил вдоль строя. — Люди пережили оккупацию, в память врезался образ врага, топором не вырубись... Женщины подумали, вражеские диверсанты высадились, сообщили в местную администрацию. Хорошо, глава сельсовета с головой — сообразил, что юные моряки дуркуют. Успокоил население. Короче, майна кляйна киндер, в лес ни ногой, от греха подальше.

Когда погода наладилась, продолжились занятия на вёслах. Вечером Андрей побежал к фельдшеру, жалуясь на опять кровоточащие мозоли.

— Возможно, у Балыкова появились стигматы, прям как у падре Пио, — заметил наблюдательный Емельян Дмитриевич на ужине. Он сидел с краю рядом с Николаем.

— Кто такой падре Пио? — спросил Коля.

— Итальянский монах с ранами на теле, руках и ногах, как у распятого Христа. Он уверял, что открылись язвы без причины, а может, сам наковырял.

— А-а-а, ясно, — кивнул Николай, правда, не совсем понимая, для чего увечить себя монаху.

Вот Балыкову понятно, для чего ранить руки. Сидишь себе на руле и дремлешь, пока другие потеют.

— Балыков-Балыков... Надо же, в таком возрасте, а уже все усилия направлены на то, как бы ничего не делать, — покачал головой Пожидаев.

Коля понял, что Емеля знает всё на этом свете, а если не знает, то догадывается.

В предпоследний день смены Воронов разбудил ребят на час позже. Пробегки не было. Все дружной гурьбой пошли к турнику. Женя Андерсон подтянулся даже не пять, а семь раз. Сергей Сергеевич сиял как начищенный пятак.

После обеда на траверзе лагеря показались паруса, это была «Надежда» — та самая, на которую Николай опоздал. Шхуна бросила якорь, на воду спустилась шлюпка. Емельян вышел на берег встречать гостей в форме капитана первого ранга, с орденскими планками на кителе.

— Колька!!! Смотрите, Колямба! Грязнущий-то какой! — кричали друзья — Яшка Раппопорт, Ванька Максимов и Вован Гинтаус ещё с воды, увидев Колю на берегу.

Чистенькие, в белых парадных робах и синих гюйсах, они смеялись над чумазыми лагерными жителями. Капитан «Надежды», чернобородый красавец Михаил Петрович Фёдоров, предложил Пожидаеву устроить гонку между командами корабля и лагеря.

Курсанты со шхуны гребли кто в лес, кто по дрова. Их ял напоминал паука, суматошно перебирающего лапками-вёслами. Лагерные шлюпки, напротив, выгребали дружно, синхронно, вёсла сливались в одно целое, ялы вырвались сразу на корпус, на два, а потом преимущество стало совсем уж неприличным. Емельян хлопал в ладоши, довольный Воронов прятал улыбку в седые усы, всё-таки его подопечные за каких-то две недели стали морскими волками, без соли съели этих чистюль.

Победили с большим отрывом «аборигены». Взрослые ужинали в кают-компаниях, кажется, с коньяком. Старпом обещал старикам показать эротический фильм «Греческая смоковница».

— Зацени, Колямба, у нас даже видик есть в кают-компаниях, смотрим кинохи с Брюсом Ли бесплатно сколько хотим, — хвастался Колин друг со шхуны Вова Гинтаус, когда проводил экскурсию по кораблю.

Боцман занавесил наглухо иллюминаторы, чтобы курсанты не подглядывали. Выдал мишени, три пневматических винтовки и щедро отсыпал пулек.

— Стреляйте, ребята, по бумаге, но только аккуратно, на людей не наводит. Взрослых не кантовать.

Воспитанники решили поиграть в морской

бой. С ялов стреляли из самодельных ружей, «мажоры» со шхуны отстреливались из пневматики.

Убойная сила у самопальных орудий оказалась гораздо сильнее. Алюминиевые обрезки со звоном отскакивали от лееров. Ребята с «Надежды» прятались за бортами.

— На абордаж! — закричал Коля, увидев, что огонь противника подавлен.

— Вперёд, ура! — пискнул Тоха и радостно захихикал, вдруг на его широком лбу образовалась маленькая тёмная точка, через мгновение тоненькая красная струйка устремилась вниз, протекла между бровями по носу. Кровявая вертикаль поделила лицо Антона на две равные половины.

— Колян, это чё такое?

Тоха поднёс руку ко лбу и вытащил из ранки маленькую свинцовую пульку:

— Коля, меня убили? — Лицо Антона приняло трагическое выражение, рот скривился в гримасе отчаяния, и из глаз брызнули слезы. — Я не хочу умирать!

Коля растерянно смотрел на товарища.

Тоха размазывал сопли и кровь, лицо его обрело совсем уже невообразимый огненно-алый оттенок в вечернем солнце. Казалось, он прямо сейчас, приняв достойную смерть, в боевом раскрасе отправляется в Вальгаллу. Кто-то на корабле позвал на помощь. Испуганные подростки спрятали ружья и самострелы.

На крик выскочили взрослые. Надо отдать должное их выучке, без суеты и почти без ругани скомандовали шлюпке с Тохой пришвартоваться к шхуне, подняли на борт рыдающего воина. Капитан Фёдоров с Пожидаевым склонились над раненым, осмотрели и радостно выдохнули:

— Жить будет!

Старпом притащил перекись водорода и йод.

Тоха, всхлипывая, облизывал кровь с верхней губы.

— Щиплет, родной мой? — хмельной Пожидаев гладил курсанта по голове. — Ничего, пройдёт. Ты получил пулевое ранение, первое

в твоей жизни, надеюсь, и последнее. Эх, если бы все ранения были такие!

Антон потом ещё долго приходил в клуб с рыжим пятном на лбу, как у индуса.

— Сдать самопалы, — приказал Воронов на вечернем построении. Собрал в охапку деревянный арсенал и отнёс в каюту Пожидаева.

На следующий день смена заканчивалась. Автобус приехал после завтрака. Емельян оставался один в лагере, душевно попрощался с детьми, пожал всем руки. Приобнял Балыкова, прошептал пару слов на ухо. Ребята по дороге домой насели на товарища: «Колись, что сказал старик?»

— Да ничего, всё нормально, — отнекивался покрасневший Балыков. — Совет дал один, не скажу какой.

Андрей стащил бинты с рук, обернулся к ребятам:

— Всё-таки Емеля — хороший мужик.

* * *

Коля распахнул окно. Ребята играли в футбол, увидев его, замахали руками:

— Ура, Колян приехал! Давай, выходи!

— Сейчас!

Мама, предчувствуя побег, крикнула из кухни:

— Коля, вчера купила сорочку, примерь, пожалуйста. Специально на размер больше взяла: знаю, что вымахал за лето. Наденешь в школу.

Он торопливо взялся за обновку. Красивая клетчатая рубашка затрещала на плечах, еле сошлась на груди.

— Батюшки, Николай, что с тобой случилось? Форма, значит, тоже мала. Слушай, надо с тобой идти покупать. Как тут угадаешь?..

— Ну, мам, не хочу! Ненавижу магазины...

«Странно», — Коля и сам удивился. Он разглядывал себя в зеркало, будто другого человека. Вроде это он, Николай Селиверстов, но в то же время что-то неуловимо изменилось. Может, стал гуще пушок над верхней губой?..

Или обозначилась строгая морщинка между бровей?..

— Колян, сколько можно ждать? — кричали за окном.

Он скинул рубаху, натянул футболку, быстро завязал шнурки на кедах.

— Ладно, мам. Я — гулять.

Через несколько секунд мама услышала, как хлопнула дверь подъезда. Прощла в комнату Николая, подняла брошенную новую рубашку, из которой сын вырос, не успев поносить. Она аккуратно её сложила, решив, что стоит попробовать обменять сорочку. «Без примерки не обойтись», — улыбнулась про себя, представив, как Коля будет упираться и увиливать от похода в магазин.

Во дворе мальчишки играли в футбол:

— Вовчик, пасуй! Колян, давай на головку... Мазила! Угловой?.. Да ни хрена, я не касался. От ворот... Ваш угловой — вы и бегите... Эх ты, разбег лошадиный — удар комариный!

Ходики пробили шесть. Скоро должен был прийти с работы Селиверстов-старший. Мама убрала рубаху в шкаф и вернулась на кухню.

* * *

Емельян Дмитриевич обошёл все помещения лагеря, выключил рубильник электропитания на камбузе. Матрасы, собранные в полосатые рулеты, ждали переезда в город, на склад.

Он долго стоял на берегу и смотрел на воду. Неужели всё уйдёт прахом? Всё?..

В каюте начальника лагеря топилась голландка. Рядом лежала охапка конфискованных самострелов.

Емельян знал, что это была последняя смена. «Финансирования не будет на следующий год», — так ему сказали в большом кабинете ещё весной. В стране назревали большие перемены, и шлюпочный лагерь закрывался навсегда.

Старик открыл дверцу, пошурудил кочергой и закинул дровяшки в угли. Резные приклады ярко вспыхнули.

— Прощай, оружие, — грустно хмыкнул Пожидаев, глядя на огонь.

Владимир Витальевич ТРЕНИН

родился в 1977 году в Петрозаводске. Окончил КГПУ

и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН.

По профессии — инженер-геолог.

Прозаик. Публиковался в журналах «Север»,

«Дружба народов», «Волга», «Роман-газета», «Урал» и др.

